

Вскоре Юй Шаочэн, прихватив свои вещи, покинул дом.

В Цзиньлине он занимал чин дувэй-защитника армии. Подобная должность в Армии Чжэньбэй была сродни званию заместителя генерала — их в войске могло быть великое множество, а круг обязанностей целиком и полностью зависел от воли вышестоящего начальника.

Молодому человеку едва исполнилось двадцать — возраст для военного самый неловкий: ни заслуженного авторитета, ни веса в обществе, достаточного, чтобы заставить других подчиняться. Вдобавок чин достался ему не кровью на поле боя, а по наследству, благодаря заслугам предков, что лишь усложняло его и без того шаткое положение.

Соратники, пробившие себе путь мечом, презирали его. Те же, кто тоже выезжал на славе отцов, но чьи роды не пришли в упадок, смотрели на него свысока. Прочие же попросту сторонились и выживали юношу из своего круга, завидуя его таланту и доверию командующего.

Такова была изнанка чиновничьего мира Южной Юн — и в армии, и при дворе царили одни порядки. Понятия «благородства» и «подлости» были выжжены в умах этих людей, словно клейма. Противоречия между ними были остры и очевидны: каждый пёкся лишь о своей выгоде, и никому не было дела ни до судьбы державы, ни до тягот простого люда.

Что ещё печальнее — Сунь Жэньлуань, фактически державший власть в руках, взирал на эту грызню с одобрением. Пока подчиненные заняты мелкими интригами, они послушны его воле. Сплотись они воедино — и Сунь Жэньлуаню, этому похитителю власти, прикрывающемуся именем Сына Неба, пришлось бы несладко.

Канцлер Ян Цанъи, напротив, желал бы исправить положение, сплотить всех вокруг юного императора, но и в его помыслах не было истинной преданности государю. Он лишь жаждал свергнуть Сунь Жэньлуаня: клан Сунь попирал клан Ян долгих десять лет. Ян Цанъи, помнивший былое величие своего рода, грезил о возвращении тех времен, когда его семья правила бал и диктовала волю всей Поднебесной.

Если даже столпы государства были таковы... Южная Юн действительно была обречена.

Единственным утешением для Юй Шаочэна было то, что при всей черноте чиновничьих душ простые воины оставались покладисты. Времена стояли смутные, и многие шли под знамёна лишь ради куска хлеба. На Юге, где пропасть между сословиями была бездонной, человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша: избиения простолюдинов и пытки слуг в знатных домах были обыденностью. И если командир оказывался свиреп, подчиненным оставалось лишь безмолвно терпеть.

Если разобраться, невинных душ, загубленных вельможами Южной Юн, было куда больше, чем

павших от руки Цюй Юньме. Но южане умели прятать «семейный позор» за закрытыми дверями, тогда как Великий ван Севера никогда не заботился о том, что о нём разносит молва.

***

Спустя час Юй Шаочэн во главе шести тысяч всадников покинул город. Лица воинов были безучастны; им было всё равно, куда идти, — головы их и так были привязаны к поясам. Прожить бы ещё день — и то ладно.

***

Тем временем в округе Яньмэнь Сяо Жун и его сподвижники даже не подозревали о столь «щедром даре», что уже спешил к ним навстречу. Подготовка к переносу столицы шла полным ходом.

Уходили не все. По приказу Цюй Юньме двадцать тысяч воинов оставались здесь: ненависть к сяньби была впитана им с молоком матери, и он не мог позволить себе оставить границу без надёжного заслона.

Охранять заставу было поручено двоим: Юань Байфу и Ван Синьюну. Первый пользовался безграничным доверием вана, второго же Цюй Юньме недолюбливал.

Глядя на застывшее, деревянное лицо Ван Синьюна, Сяо Жун подумал, что тот, верно, уже привык: любая ссылка в глушь или опасное поручение неизменно доставались ему.

Цюй Юньме планировал пойти войной на сяньби уже осенью, и перенос столицы не мог поколебать его решимости. Значит, через пару месяцев он всё равно вернётся в эти края. Поразмыслив, Сяо Жун решил, что за это время беды не случится, и не стал возражать.

Что до оставшихся ста пятидесяти тысяч — двадцатитысячный авангард уже отбыл, увозя второстепенный обоз. Оставшиеся же сто тридцать тысяч должны были выступить в путь в один день вместе с Великим ваном.

Помимо войска, переселялось и около ста тысяч мирных жителей. Среди них были как семьи воинов Армии Чжэньбэй, так и те, кто перебрался в Яньмэнь в поисках безопасности.

Они решились жить в этих суровых краях лишь потому, что искали защиты у Чжэньбэй-вана. И теперь, когда армия уходила, ими овладел страх. Пусть на заставе оставался гарнизон, простым людям не было дела до военных расчетов; сама мысль о том, что сяньби могут прорваться сквозь ворота, гнала их прочь. Они спешно паковали тюки, желая во что бы то ни стало следовать за Армией Чжэньбэй.

За день до выступления Сяо Жун оставил канцлера Гао Сюньчжи наедине со счетами, от

которых у бедняги уже начались мигрени, и покинул дворец. Следом за ним, словно тени, пристроились двое гвардейцев — приказ Цюй Юньме был непреклонен, и избавиться от охраны не было никакой возможности, так что юноша смирился.

Он прожил в Яньмэне почти два месяца, и хотя не раз покидал город, по-настоящему вглядывался в его улицы лишь в первый день своего приезда.

Тогда округ казался тихой гаванью, ныне же он напоминал растревоженный муравейник, ожидающий великой беды. Улицы были забиты телегами, запряженными волами и ослами. Мужчины торопливо крепили пожитки, а женщины с глухим стуком отбивали тесто на разделочных досках — готовили сухие лепешки в долгую дорогу.

Даже те, кто оставался, не сидели сложа руки — они высыпали из домов, с тревогой наблюдая за сборами соседей. Одно решение о переносе столицы всколыхнуло души сотен тысяч людей.

Сяо Жун прислонился к невысокой каменной стене, скрестив руки на груди. Он неспешно скользил взглядом по суете на углу улицы, пока не приметил нечто знакомое.

В первый день своего появления здесь он слышал, как дети поют песенку о Знамени Чию. Тогда же юноша встретил маленькую девочку из племени Бутэу. То происшествие всколыхнуло в его памяти некие воспоминания, и лица этих детей врезались ему в память.

И вот теперь, перед дверями наглухо закрытого дома, та самая девочка и один из мальчишек-певцов прощались друг с другом.

Мальчику было от силы пять-шесть лет; он был мал ростом и, видать, простужен — то и дело шмыгал носом. Малыш протянул девочке два гладких камешка, а она в ответ отдала ему сверток. Сквозь ткань невозможно было разглядеть содержимое.

В глазах мальчишки читалась неприкрытая печаль. Он что-то горячо шептал подруге, но Сяо Жун не мог разобрать слов. Однако в следующий миг раздался звонкий голос его матери:

— Гоу-эр! Живо за водой!

Мальчик вздрогнул, быстро бросил девочке прощальное слово — верно, «увидимся», — и припустил со всех ног.

Девочка долго смотрела ему вслед, а затем бережно спрятала камешки. Повернувшись, она наткнулась взглядом на Сяо Жуна.

Юноша едва заметно выгнул бровь. Девочка, как и в прошлую их встречу, замерла, уставившись на него, а затем сорвалась с места и умчалась прочь еще быстрее прежнего.

«... — Сяо Жун невольно задался вопросом: — Неужели я настолько страшен?»

Дети скрылись, но он не спешил уходить, лишь удобнее оперся о стену.

Хорошо всё-таки... Детская дружба — самое чистое, что есть в этом мире.

Посмотрев на причудливые облака, затянувшие край небосвода, он тихо вздохнул и пошел прочь.

Однако в замок юноша не вернулся. Увиденное навело его на мысль: если даже дети прощаются друг с другом, то Цюй Юньме, для которого застава Яньмэнь была делом всей жизни, наверняка занят тем же самым.

Вновь оказавшись у подножия крепостной стены, Сяо Жун взглянул на величественные укрепления. Тяжело вздохнув, он начал подъем.

На сей раз аура вана не туманила ему разум: голова не кружилась, в глазах не темнело, и на середине пути он не хрипел, подобно загнанному псу.

Цюй Юньме сидел на башне. Рядом стоял кувшин с вином, но сам он не пил — лишь время от времени наполнял чашу и медленно выливал её на каменные плиты перед собой.

Именно эту картину и застал Сяо Жун.

Над башней плыл густой аромат вина. Юноша чуть поморщился, а затем неспешно подошел к государю.

Тот вновь наполнил чашу, но проливать не стал. Подняв голову, он взглянул на человека, который уже в который раз прерывал его уединение.

— Выпьешь?

Сяо Жун поджал губы, сдерживая улыбку:

— Не смею более.

Цюй Юньме, ожидавший подобного ответа, отставил чашу.

— Значит, в тот день ты не «говорил спьяну», а изливал то, что было на душе? — негромко спросил он, не поднимая глаз.

Сяо Жун первым делом нашел чистое место и уселся. Лишь после этого он округлил глаза:

— Напраслина! Как можно верить пьяному бреду? Истинные речи, идущие от самого сердца, произносятся лишь на трезвую голову.

Цюй Юньме обернулся и прищурился:

— Посмеешь ли ты поклясться в этом перед Небом?

«... — мелькнуло в голове у Сяо Жуна. — А его не так-то просто стало водить за нос»

Замявшись на миг, юноша уже собрался было вздеть руку для клятвы, но стоило ему открыть рот, как ван, нахмурившись, перебил его.

— Забудь.

Сяо Жун просиял:

— Великий ван поверил мне?

Тот лишь покачал головой:

— Боюсь, если грянет гром, меня пришибёт вместе с тобой.

«...»

Он выдавил сухой смешок:

— Великий ван большой шутник.

Цюй Юньме едва заметно изогнул губы в усмешке и, не проронив более ни слова, снова вылил вино на камни.

Сяо Жун присмотрелся к его лицу. Судя по всему, ван не был в дурном настроении, и юноша решил спросить:

— Кому государь подносит чашу? Своим родителям?

— Хм, — отозвался Цюй Юньме. — Отцу и матери. Старшему брату. Старейшинам, что помнят

меня ребенком. Братьям по оружию. И всем тем воинам, чьи жизни оборвались здесь, у стен заставы.

Сяо Жун замер. Будь это поминовение лишь по паре близких душ, он нашел бы слова утешения, разлился бы соловьем. Но после слов вана всё красноречие покинуло его.

Одна фраза — и тысячи оборванных жизней.

Сяо Жун, у которого всегда был готов ответ, на сей раз промолчал. Цюй Юньме же вдруг спросил:

— Ты говорил, что из всей семьи у тебя остались лишь бабушка да младший брат. Остальные ушли в мир иной?

Юноша помедлил, глядя на темное влажное пятно от вина на камнях, и лишь затем ответил:

— Верно. Моя семья... мы не из главной ветви клана Сяо, лишь боковая ветвь. Жили мы вдали от родового поместья. В молодости мой дед совершил проступок, и главная семья указала ему на дверь. Он служил мелким чиновником, едва сводя концы с концами. Бабушка вела хозяйство. За всю жизнь она родила шестерых, но выжили лишь четверо. Мой отец был третьим. Старший брат отца умер от болезни в семнадцать. Второй брат отправился за лекарством для деда, но пал от рук разбойников. Младший дядя ушел в армию и сгинул на поле брани. Мой отец был ученым мужем, но за ним не стояло ни славы предков, ни покровителей. Чтобы прокормить нас, он переписывал письма на заказ. Двенадцать лет назад, изнуренный тяжким трудом, он начал харкать кровью и вскоре преставился.

Сяо Жун прервался, переводя дух, а затем продолжил:

— Старший дядя не успел жениться. Когда погиб второй дядя, его жена была на сносях. Родня принудила её избавиться от плода и выйти замуж повторно. Видать, лекарь попался неумелый — не прошло и двух дней, как она отдала богу душу. В той семье оставался старший сын, но и он не дожил до седин. Моя мать не была знатного рода. После смерти отца она пряла пряжу, чтобы прокормить нас и оплатить мои странствия и учебу брата. Когда мне было... четырнадцать, глаза её стали подводить. Однажды ночью она не заметила края и упала в пруд за домом. Нашли её лишь поутру.

Цюй Юньме застыл, пораженный услышанным. Он и представить не мог, что в семье Сяо Жуна творилось такое.

Впрочем, его удивление было оправданным — ведь это были не его собственные воспоминания. Это была история, по крупицам поведанная ему его «названным» братом, Сяо И. В прошлом году, когда нужда стала невыносимой, Сяо И взял бабушку и отправился в Синьянь — искать старшего брата, который годами был в паломничестве. Но добравшись до города, он узнал страшное: там бушевала моровая язва. Тела умерших свозили за стены и сжигали дотла.

Услышав от знакомых, что брат тоже подхватил заразу, Сяо И не посмел сказать об этом бабушке. Смерть младшего сына когда-то подкосила её, после гибели мужа разум её и вовсе помутился. Она не узнавала лиц, но помнила, что у неё двое внуков. Знай она, что старшего нет в живых — Сяо И страшился даже думать, что с ней станет.

И тогда он один побежал к городским стенам. Забыв о страхе и брезгливости, он рылся в кучах вещей, оставшихся от мертвецов, и в конце концов нашел дорожную грамоту своего брата.

Грамота была цела, но нефритовая подвеска исчезла. Пусть их семья и обеднела, но они оставались боковой ветвью великого рода, и в доме, при всей скудости жизни, хранились ценные вещи, которые они никогда не решались продать.

Та подвеска была одной из них. Утирая слезы, Сяо И потребовал вещь у распорядителей, но кто бы ему её отдал? Человек мертв уже невесть сколько дней, всё ценное по умолчанию считалось добычей надсмотрщиков. Сколько бы он ни кричал, подвеску ему не вернули.

Именно тогда Сяо Жун и встретил Сяо И. Он услышал, как мальчишка выкрикивает его имя, требуя вещи у стражи. Лишь позже выяснилось — звали они Сяо Жуна, да только иероглифы писались иначе, хоть звучание и было схожим.

Потеряв брата, Сяо И лишился последней опоры. Ему оставалось лишь возвращаться с бабушкой в Линьчуань, но ему было всего тринадцать, он ничего не умел и до смерти боялся, что не сможет её прокормить.

Сяо Жун слушал его сбивчивый рассказ. Сам он в тот миг как раз собирался покинуть Синьянь и отправиться в Хуайинь. Всё сложилось само собой: Сяо Жуну нужно было имя, Сяо И — защита. Юноша забрал грамоту, а взамен отдал десять серебряных слитков, вырученных за продажу сладкого соуса. Он велел мальчику снять домик в Синьяне, учиться и беречь бабушку, пообещав, что заберет их, как только устроится на новом месте.

А Сяо И отдал ему А Шу. Видя, сколь слаб его новый «брат», он смертельно боялся, что и этот Сяо Жун умрет. А Шу был сыном их старого слуги. Когда семья разорилась, слуг распустили, но несколько лет назад тот человек, смертельно больной, привел сына обратно, умоляя лишь об одном — кормить мальчишку, не требуя платы.

Сяо И знал, что без А Шу ему будет тяжелее, но он больше не хотел никого оплакивать.

Так и раскрылась тайна странной заботливости А Шу...

К этому названному брату Сяо Жун питал сложные чувства. Кровного родства между ними не было, лишь сделка. Но за те десять дней, что они провели вместе, юноша ощутил, сколь сильно этот ребенок к нему привязался, будто и впрямь признал в нем старшего. Впрочем, это понятно: когда на семью рушится беда за бедой, появление Сяо Жуна в самый отчаянный миг стало для него спасением.

Зная историю семьи Сяо наперед, юноша не чувствовал сильного душевного трепета, но тень беспокойства всё же легла на его чело — ведь скоро им предстояло встретиться, и груз ответственности внезапно стал тяжелее.

Сяо Жун лишь предавался воспоминаниям, но Цюй Юньме расценил его молчание по-своему.

Ван всегда считал себя «человеком тяжелой судьбы» — те, кто был ему дорог, неизменно покидали его. Он полагал, что хитрый и дерзкий Сяо Жун жил совсем иначе — в неге и достатке, не зная печалей. Оказалось же, что в своих потерях они не так уж и различны.

«Нет-нет-нет, разница между нами всё-таки огромная...»

Выражение лица Цюй Юньме менялось несколько раз, пока он не отвернулся к крепостным стенам. Чекая каждое слово, он произнес:

— Этого больше не повторится.

Юноша растерянно поднял голову. Ван, преисполненный решимости, повторил:

— Ни того, что выпало на твою долю, ни того, что пережила Армия Чжэньбэй. Чжэньлю станет нашим новым домом, и я более не позволю никому разрушить то, что нам дорого.

«...»

Пусть Сяо Жун и не понимал, отчего вдруг Великий ван преисполнился столь великих амбиций, мешать ему он точно не собирался. Он тут же зааплодировал и восторженно воскликнул:

— Превосходно! Верю, что Великому вану это под силу!

«...»

Отчего-то, слыша эти восторги, Цюй Юньме чувствовал себя одновременно и польщенным, и до крайности смущенным.

***

На следующий день войско выступило в поход.

Движение двухсот с лишним тысяч человек должно было представлять собой величественное зрелище. Однако Сяо Жун, находясь в самой гуще событий, не имел возможности

полюбоваться картиной с высоты птичьего полета; всё, что он ощущал — это невообразимый хаос.

Казалось бы, всё было расписано до мелочей, но когда махина пришла в движение, неразберихи избежать не удалось. Гвардейцы подкатили повозку, изготовленную по заказу юноши. Гао Сюньчжи, пробравшись сквозь толпу, с любопытством принялся разглядывать необычный экипаж.

В те времена повозки были двухколесными. Сяо Жун же распорядился сделать четыре колеса, удлинил платформу и велел приладить крышу. С боков он прорубил оконца — стояла теплая погода, так что это были просто проемы, занавешенные лоскутами ткани.

Что до дверей... увы, времени было в обрез. Он не был ни кузнецом, ни плотником, и не смог на скорую руку придумать петли, которые бы легко вращались и снимались. Посему вместо дверей тоже висел полог, но куда более плотный — из шкур.

Хлопок в ту пору уже завезли в Срединные Равнины, но выращивать его было хлопотно, и мало кто знал о его согревающих свойствах. До повсеместного признания было еще далеко, оттого-то в холода люди мерли как мухи — надежной теплой одежды просто не существовало.

Внутри экипаж был обставлен со всей возможной роскошью: мягкие перины, чайный набор и подушки, набитые куриным пером — их Сяо Жун велел собрать особо.

Куриных перьев было в достатке. Утиный пух найти оказалось сложнее, да и юноша не знал, как извести запах, так что предпочел менее пахучее куриное перо. После многих мучительных поездок по ухабам он осознал: ничто не стоит выше удобства в пути.

Сяо Жун заметил неподдельный интерес на лице канцлера и улыбнулся:

— Господину канцлеру по нраву? Я велел сделать две такие повозки, вторая — для вас.

Гао Сюньчжи опешил, а затем просиял от радости:

— Ох! Благодарю тебя, А Жун!

С этими словами он в прекрасном расположении духа отправился искать свой экипаж. Юноша смотрел ему вслед с облегчением: раз канцлер Гао тоже пользуется «особыми привилегиями», то и его самого никто не посмеет упрекнуть в изнеженности.

Сын Будды Мицзин появился в толпе, неся свой дорожный узел. Стоило людям завидеть его, как толпа расступалась сама собой. Монах, смиренно склонив голову, поклонился присутствующим и направился к обозу.

В пору летнего затворничества Мицзину не следовало покидать обитель, но он не был излишне суров в соблюдении догматов. Если он будет всё время находиться внутри повозки, не выходя наружу, то это вполне сойдет за затворничество в пути.

Дорога должна была занять около месяца — всё же людей было слишком много. Мысль о том, что Мицзин проведет месяц в тесной клетушке, рассчитанной на одного, казалась Сяо Жуну кощунственной. Посему, заказывая столь просторный экипаж, он изначально планировал пригласить монаха к себе.

Цюй Юньме находился неподалеку. Заметив, как Сяо Жун поправляет одежды и придает лицу благопристойное выражение, он вмиг разгадал его замысел. Ван высоко вскинул брови и велел гвардейцу:

— Ступай. Передай, пусть Сын Будды едет вместе с господином Гао.

Гвардеец кивнул и бегом бросился исполнять поручение.

Сяо Жун, стоявший поодаль, внезапно замер. Услышав слова стражника, обращенные к монаху, он сначала недоуменно хлопнул ресницами, а затем резко обернулся к Цюй Юньме.

Ван как раз отвернулся, делая вид, что увлеченно расчесывает гриву своего скакуна.

«... — Сяо Жун недоуменно хлопнул ресницами. — Надо же, проявил заботу о Сыне Будды. Редкий случай»

Впрочем, так даже лучше — не придется делить место с кем-то еще. Юноша усмехнулся и поднялся в свою повозку.

Перед самым выступлением он наконец увидел загадочное племя Бутэу. Эти люди казались куда крепче и сильнее уроженцев Чжуньюаня. И мужчины, и женщины несли на спинах тяжелые узлы; лошадей у них не было — они собирались проделать весь путь пешком, следуя подле войска.

Они переговаривались лишь между собой, и воины Армии Чжэньбэй, казалось, привыкли к этому. Картина была странной: два народа были четко разделены, но при этом существовали в полном согласии.

Наконец все были в сборе. Цюй Юньме, восседая во главе колонны, оглянулся назад и взмахнул плетью, звонко рассекая воздух.

— В путь!

В тот же миг войско пришло в движение. Знаменосцы изо всех сил замахали стягами, сную туда-сюда в авангарде — на своем особом языке они сообщали идущим следом, что время пришло.

Сяо Жун откинул полог и долго смотрел на проплывающие мимо лица — воодушевленные и суровые. На губах его заиграла легкая улыбка, и он опустил занавеску.

<http://bllate.org/book/15355/1420495>